

Николай Лесков

Пресыщение знатностью

Николай Лесков

Пресыщение знатностью

«Public Domain»

1895

Лесков Н. С.

Пресыщение знатностью / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1895

«...С превосходительным титулом у нас в самом деле происходит нечто очень странное и неблагоприятное для его возвышающего значения. Г-на Кокорева стоит благодарить, что он заговорил об этом. Манера заменять собственное «крестное» имя человека титулом, который даст известный чин, имеет нечто неприятное, и многие давно говорили об этом как о вредном обычае, который пора бы оставить, не для одних купцов, а для всех вообще, – по крайней мере вне службы...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Николай Семенович Лесков

Пресыщение знатностью

Melior optime pessima.¹

На первых днях этого года В. А. Кокорев высказал в «Новом времени» свое мнение о купцах, получивших чины действительного статского советника. По мнению г. Кокорева, таких купцов не для чего титуловать «превосходительствами», а довольно называть их «высокостепенствами». Это, кажется г. Кокореву, как будто ближе подходит к торговому положению упомянутых генералов и более отвечает народному представлению о разнице в сановитости людей служилых и людей торговых.

Без сомнения, в народном рассуждении о генералах есть разница: ина слава принадлежит солнцу, ина же воздается луне, и звезда от звезды разнствует, а между тем титул «превосходительства» ассимилирует во едину статью всех удостоенных. В этом его преимущество, но в этом же его недостаток, против которого в России давно уже слышится сдержанная, но очень едкая горечь. О ней еще говорил Леруа Болье, заметивший в своем любопытном сочинении о России, что у нас необыкновенно много «превосходительств» и что чрез это названный титул у нас не только совсем пал и утратил свое возвышающее значение, но он даже служит теперь к некоторой шутке и насмешке.

В словах г. Кокорева видна та же горечь и желание защитить превосходительный титул от посягательства на него со стороны людей торгового звания, а равно оградить и самих этих людей от неблагоприятного воздействия на них превосходительного титула.

Так как обстоятельного и специального «сочинения о «генералах» в нашей литературе нет (ибо труд П. И. Чичикова в печати не появлялся), то вопрос о вреде или о пользе от большого размножения превосходительных лиц может быть трактован очень свободно, но он прежде всего нуждается в верном фактическом представлении положения, в каком находится «превосходительство».

Заботы Кокорева могут много помочь купечеству, если знатность по чину купцам вредна, но что касается самого превосходительного титула, то он не много выиграет от того, что его не будут прилагать к тайным советникам из людей торгового сословия. По правде говоря – идет им это или не идет, но ведь их покамест еще очень немного. Одни департаментские делопроизводители или столоначальники ежегодно дают такой прирост в генеральстве, что оскудения никогда не произойдет, и собственно чину превосходительства не поможет эта крохотная очистка.

С превосходительным титулом у нас в самом деле происходит нечто очень странное и неблагоприятное для его возвышающего значения. Г-на Кокорева стоит благодарить, что он заговорил об этом. Манера заменять собственное «крестное» имя человека титулом, который даст известный чин, имеет нечто неприятное, и многие давно говорили об этом как о вредном обычае, который пора бы оставить, не для одних купцов, а для всех вообще, – по крайней мере вне службы.

Как от этого одни сами отбивались, а другие прочих сдерживали, это представляет картинку, или, лучше сказать, ряд картинок, которые, может быть, не скучно будет теперь перепустить перед глазами, по случаю возбужденного г. Кокоревым интереса к «истории о генералах».

В нашем флоте в самую блестящую его пору, при командирах, имена которых покрыты неуваждаемою славой и высокими доблестями чести и характеров, все избегали употребления титулов в разговоре. Там крепко жил простой и вполне хороший русский обычай называть друг друга не иначе, как по крестному имени и отчеству. Не только капитан корабля, но и

адмирал, командующий эскадрой, называли офицеров по имени и отчеству, а офицеры точно так же называли своих старших, то есть их именами и отчествами, а не превосходительствами. Таких славных героев, как Нахимов и Лазарев, подчиненные с семейною простотою называли в разговоре Павел Степанович, Михаил Петрович, а эти знаменитые адмиралы в свою очередь также называли по имени и отчеству офицеров. По титулам чина или по уряду должности величали только тех, кого не знали как звать по имени, и это считалось за неудобство, для избежания которого старались немедленно узнать имя и отчество человека. Такого простого обычая держались все, и флот дорожил этою простотою; она не оказывала никакого дурного влияния на характер субординации, а напротив, по мнению старых моряков, она приносила пользу.

«Чрез произношение имени, – рассказывают старые моряки, – все приказания начальника получали приятный оттенок отеческой кротости и исполнялись с любовью; а ответы подчиненных с таким же именованьем старшего придавали всяким объяснениям и оправданиям сыновнюю искренность».

Многие почтенные люди из старых моряков вспоминают об этом обычае с большим сожалением, что он вывелся и заменился отношениями «общееармейского образца». Но стоит ли это сожаления на самом деле?

Моряки всегда немножко суеверны и имеют много примет, но если верить их приметам, то они, кажется, имеют основание жалеть, что их старый морской обычай «семейности» заменился «образцом общеармейской форменности».

«Во все это время, пока мы говорили друг другу по-человечески, – замечают моряки, – флот наш не знал служебных злоупотреблений низкого свойства: офицеры гнушались лжи, и не было ни взяток, ни обманов. Мы себя берегли от этого».

Обычай называть друг друга по именам стали подрывать нововведениями в балтийском флоте, «поблизости к Петербургу», но на Черном море именованье продолжало держаться до самой севастопольской катастрофы, когда черноморский флот уничтожился и остатки черноморских морских офицеров пошли вразброд. В печальном рассеянии они позабыли старые предания своей семьи, и те, которые смешались с балтийцами, научились у них употреблять в разговоре титульные обороты.

Утраченный «обычай доброй простоты» оставался дорог многим из моряков и имел своих маньяков, для которых представлял своего рода мистическое значение. В доказательство его живучести стоит вспомнить об одном из таких маньяков, каким был не очень давно умерший контр-адмирал Андрей Васильевич Фрейганг. Это был превосходнейший человек, которого кто знал, тот его и любил и уважал за его необыкновенную чистоту и добрую душу. Его знали множество людей, и из них, конечно, многие еще живут нынче. Он был «политик вне партий» и «золото без лигатуры»; ему был друг славянофил Гильфердинг, и он пользовался особенным уважением Каткова. К Фрейгангу Катков чувствовал сердечное влечение и не раз говаривал: «чтобы немножко себя освежить, надо в Фрейганга посмотреться». Худой, слабый здоровьем, но живой, подвижной и беззаветно добрый старичок, обвязанный гарусным шарфиком и с кортиком, который постоянно ерзал на его тощем тельце и сбивался с бока назад или наперед, Андрей Васильевич всегда о чем-нибудь хлопотал или кого-нибудь устраивал. Он беспрестанно являлся где-нибудь «просителем за людей», и притом просителем самым неотступным, настойчивым и бесстрашным. Чуть, бывало, при нем скажут о чем-нибудь горе или несчастье, он сейчас придет в беспокойство – слезы на глазах, и начинает себя допрашивать: «Кого я знаю? Кто может помочь? К кому побежать?» И как только вспомнит – сейчас «побежит». Но о себе и о своем семействе он не просил никого и жил на самые крошечные средства. Словом, это был превосходный и редкий человек, которого при жизни его называли «праведником» и «Нафанаилом, в нем же лести несть»! Между тем в ряду забот Фрейганга

было большое печалование об исчезновении простоты во взаимных отношениях во флоте, – он не мог примириться, что у них «прежде говорили друг с другом *по-человечески*, а потом стали упоминать потитульно». В этом Фрейганг видел «начало болезни», которая непременно принесет большой вред всему организму. Михаил Ник<ифорович> Катков один раз слушал, слушал, как Фрейганг об этом рассказывал, и говорит после:

– Что это такое за прелесть! Он говорит, точно будто Давид на арфе играет, – все досады и неприятности при нем успокаиваются.

В одно время М<ихаил> Н<икифорович> имел деловые свидания с графом Петром Андреевичем Шуваловым.

Случалось, что сильно впечатлительный Катков даже «укрывался» в идиллический домик на Песках, где жил Фрейганг, и говорил, что он там находит успокоение. Но послужить восстановлению крестных имен во флоте Катков, разумеется, не озабочивался, а Фрейганг об этом помнил и обнаружил свой мистицизм.

Когда пронесся слух, что в морском ведомстве обнаружилось первое большое злоупотребление, Катков случился в Петербурге и жил на Сергиевской, в доме Зейферта. Один раз, когда здесь говорили об упомянутом слухе, вдруг в комнату вбегают торопливой походкой в своем шарфике Фрейганг и говорит с волнением:

– Слышали? Совершилось! страшное пророчество совершилось!.. Ужас, позор и посрамление! наши моряки, наши до сих пор честные моряки обесславлены: среди нас есть люди, прикосновенные к взяткам!.. А он это предсказывал, я это напоминал, я говорил, что это предсказано, и это так делается, вот и сделалось – и исполнилось, как он предсказал.

– Кто предсказал?

– Павел Степаныч!

– Какой Павел Степаныч?

– Как «какой Павел Степаныч»!.. Нахимов!

И Фрейганг рассказал какой-то давний случай, когда покойный Нахимов был недоволен каким-то продовольственным распорядителем или комиссионером и стал его распекать, а тот, начав оправдываться, стал беспрестанно уснащать свою речь словами «ваше превосходительство». Это так взорвало адмирала, что он закричал:

– Что я вам за превосходительство! Что это еще такое! Вы имени моего, что ли, не знаете, или прельщать меня превосходительством вздумали? У меня имя есть! Это вы ваше превосходительство, а моряков нельзя так звать, они вашим ремеслом не занимаются. Тогда их можно будет «так» звать, когда и они этим станут заниматься.

Праведный бедняк, адмирал с петербургских Песков, глубоко верил, что, перестав называть друг друга по именам, а начав величать по титулам, – моряки подверглись роковой порче.

Замечают тоже, что имя при настоящей заслуженной известности человека приобретало у нас такую известность, что самые фамилии делались ненужными для более точного обозначения лица.

В Орле один купец, тяжело оскорбленный в сороковых годах неистовством губернатора Трубецкого, выйдя из терпения, сказал ему:

– Тиран! я больше не боюсь, что ты князь, я Николаю Семеновичу пожалуюсь.

– Какому Николаю Семеновичу! – закричал Трубецкой.

– Тому, который стоит за правду.

И замечательно, что Трубецкой, человек невежественный и, по выражению еп<ископа> Смарагда, – «умоокраденный», узнал, однако, кого ему называют, и с злорадством воскликнул:

– Мордвинова больше нет!

Никакой курьер из самых зычных, прокричав: «генерал идет», – не может внушить того впечатления, которое ощущалось, когда, бывало, кто-нибудь шепнет на московском бульваре:

– Вон Алексей Петрович топчется.

Мало ли в Москве было разных Алексеев Петровичей, но все знали, что *так* называют Ермолова и что перед этим тучным, тяжело передвигавшим свои ноги стариком надо встать и обнажить головы. И все почтительно поднимались и кланялись ему иногда в пояс. Это делалось с удовольствием, не за страх, а за совесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания